

ВИКТОРЪ ГЮГО

и

НОВѢЙШАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ КРИТИКА

Есть писатели, критическая оцѣнка которыхъ становится возможной только послѣ ихъ смерти. Слишкомъ они волнуютъ своихъ современниковъ—или, по крайней мѣрѣ, своихъ соотечественниковъ,—слишкомъ подавляютъ или раздражаютъ ихъ своимъ авторитетомъ; между безусловнымъ поклоненіемъ и страстнымъ отрицаніемъ не остается мѣста для спокойнаго разбора. Таково было, при жизни, положеніе Виктора Гюго. По временамъ высоко цѣнимый всѣми литературными партіями, по временамъ горячо преслѣдуемый одними и столь же горячо защищаемый другими, онъ никогда не былъ предметомъ анализа, свободнаго отъ предвзятой мысли. Блестящій успѣхъ выпалъ на его долю очень рано, но настоящей славы онъ сталъ достигать только тогда, когда вокругъ него и изъ-за него загорѣлась борьба между приверженцами старины и сторонниками литературной революціи. Въ сороковыхъ годахъ борьба затихаетъ; никто не оспариваетъ болѣе у Гюго одно изъ первыхъ мѣстъ между французскими поэтами. Еще нѣсколько лѣтъ — и единственные его соперники, Ламартинъ и Мюссэ, сходятъ со сцены; затѣмъ для него наступаетъ періодъ изгнанія, возносящій его до облаковъ или даже за облака. Его величественный образъ, рассматриваемый издалека и снизу,